IV иллюстрированное приложеніе къ газетѣ

Къ № 20

Сибирская Жизнь

Къ № 20

Воскресенье, 25-го января 1904 года.

Томск. Университет. Библиотека

Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ.

(По поводу семидесятилѣтія дня рожденія).

Имя—Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ—составляетъ славу и гордость русской химіи. Д. И. Менделѣевъ извѣстенъ кромѣ того и какъ одинъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ и ревностныхъ строителей русской промышленности. По рожденію Д. И. Менделѣевъ сибирякъ. Въ день семидесятой годовщины дня рожденія маститаго ученаго и государственнаго дѣятеля, родной край посылаетъ ему свой привѣтъ и лучшія пожеланія—и пытается принять участіе въ чествованіи, напомнивъ объ его жизни и трудахъ для науки и русской промышленности.

Родился Д. И. Менделѣевъ въ г. Тобольскѣ 27 января 1834 года. Отецъ его, Иванъ Павловичъ, былъ директоромъ Тобольской Мужской Гимназіи. На десятомъ году жизни мальчика отецъ его ослѣпъ и затѣмъ умеръ, и Д. И. остался на попеченіи своей матери Маріи Дмитріевны, урожденной Корнильевой, которая отъ трудовъ рукъ своихъ (она устроила и вела самостоятельно небольшой стеклянный заводъ) воспитала его, вывезла изъ Сибири, наконецъ, помѣстивъ въ высшее учебное заведеніе—Педагогическій Институтъ въ Петербургѣ, открыла ему путь къ наукѣ. На долю Д. И. выпало особое счастье—кстати сказать, нерѣдко выпадающее на долю необыкновенныхъ людей,—имѣть матерью необыкновенную женщину. „Рѣдкой матери выпадаетъ на долю такая крупная роль въ исторіи жизни своихъ дѣтей, какая принадлежала Маріѣ Дмитріевнѣ. Можно думать, что завѣты матери, всосанные въ плоть и кровь съ самаго ранняго дѣтства, опредѣлили въ сильной степени весь характеръ дальнѣйшей дѣятельности Д. И., включая и отношенія его къ различнымъ техническимъ, экономическимъ и общественнымъ явленіямъ", говоритъ біографъ Менделѣева Чельцовъ.

Самъ Д. И. рисуетъ намъ образъ своей матери. Написавъ одно изъ своихъ капитальныхъ сочиненій „Изслѣдованіе водныхъ растворовъ по удѣльному вѣсу", онъ посвящаетъ его памяти матери въ слѣдующихъ словахъ: *„Это изслѣдованіе посвящается памяти матери ея послѣдышемъ. Она мала его взрастить только своимъ трудомъ, ведя заводское дѣло; воспитывала примѣромъ, исправляла любовью и, чтобы отдать наукѣ, вывезла изъ Сибири, тратя послѣднія средства и силы. Умирая, завѣщала: избѣгать лицемѣрнаго самообольщенія, настаивать въ трудѣ, а не въ словахъ, и терпѣливо искать божескую или научную правду, ибо понимала сколь часто діалектика обманываетъ, сколь многое еще должно узнать и какъ при помощи науки безъ насилія, любовно, но твердо устраняются предразсудки, неправда и ошибки, а достигаются: охрана добытой истины, свобода дальнѣйшаго развитія, общее благо и внутреннее благополучіе. Завѣты матери считаетъ священными Д. Менделѣевъ".*

По силѣ выраженія, по чистотѣ языка, наконецъ, по глубокому чувству это посвященіе можно поставить на ряду съ знаменитымъ посвященіемъ Ренана A l'ame pure de ma soeur Henriette, начинающемся словами: Te souviens tu, du sein de Dieu où tu reposes и т. д.

Окончивъ Педагогическій Институтъ, Д. И. уѣзжаетъ учителемъ на югъ: сначала въ Симферополь, затѣмъ въ Одессу. Но уже въ 1856 г. мы видимъ его опять въ Петербургѣ, privat-доцентомъ спб. университета, гдѣ онъ и защищаетъ свою магистерскую диссертацію „Объ удѣльныхъ объемахъ".

Послѣ защиты диссертаціи Д. И. командируютъ за границу, по возвращеніи откуда онъ снова вступаетъ privat-доцентомъ въ спб. университетъ и вскорѣ публикуетъ свой курсъ „Органической Химіи" (1861).

Въ этой книгѣ Д. И. Менделѣевъ является піонеромъ новыхъ воззрѣній, которыя только что пробили себѣ дорогу изъ Франціи. Это было время сильнаго возбужденія. „Органическая химія" Менделѣева настолько полно проникнута этими новыми воззрѣніями, настолько горячо написана и даетъ такое цѣльное впечатлѣніе, что кажется, какъ отзывались о ней современники, написанной „однимъ почеркомъ пера".

Въ 1863 г. Д. И. получаетъ каѳедру химіи въ Спб. Технологическомъ Институтѣ и втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимается техническими вопросами: ѣздитъ на Кавказъ для изученія нефтяной промышленности, производитъ сельско-хозяйственные опыты Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и т. д. Въ тоже время онъ не оставляетъ чисто научныхъ работъ,

Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ.

и въ 1865 г. представляетъ свою диссертацію для полученія степени доктора химіи „О соединеніи спирта съ водой", которую и защищаетъ въ слѣдующемъ году.

Работа эта представляетъ собою наиболѣе полное и наиболѣе точное экспериментальное и литературное изслѣдованіе уд. вѣса водныхъ растворовъ виннаго спирта. Она оцѣнена по достоинству и въ послѣднее время въ Германіи закономъ положена въ основаніе ареометрической спиртовой шкалы (шкала опредѣленія крѣпости спирта по уд. вѣсу).

Работа объ уд. вѣсахъ спирта была предпринята съ цѣлью получить экспериментальныя данныя для отвѣта на вопросъ—какая разница между химическимъ соединеніемъ и растворомъ—вопросъ открытый еще до сихъ поръ. Къ этой проблемѣ Д. И. возвращается много разъ и впослѣдствіи,—очевидно она не перестаетъ занимать его умъ во все время его дѣятельности.

Выводы, къ которымъ онъ пришелъ и итоги того, что имъ сдѣлано въ этой области, даетъ намъ его „Изслѣдованіе водныхъ растворовъ по удѣльному вѣсу" (1887). Эта книга, которой Д. И. внесъ въ науку новый методъ, получилъ новые результаты, и разработалъ статистически громадный опытный матеріалъ, въ русской химической литературѣ есть то знамя, у котораго собирается цѣлая школа русскихъ химиковъ, желающихъ видѣть въ растворахъ *„обычные случаи химическаго взаимодѣйствія, подобные—можетъ быть тождественные—съ соединеніями, содержащими кристаллизаціонную воду"* (Менделѣевъ).

Идеи Менделѣева о природѣ растворовъ діаметрально противоположны т. н. *физической* теоріи растворовъ, которая въ явленіи растворенія видитъ дезагрегацію растворяющагося тѣла въ средѣ растворителя—явленіе аналогичное испаренію жидкости въ пустотѣ или въ атмосферѣ газа. Истина, какъ и всегда, несомнѣнно лежитъ между: обѣ теоріи должны быть соглашены и даже выясняется, какъ они должны быть соглашены.

По защитѣ докторской диссертаціи Д. И. Менделѣевъ былъ избранъ и опредѣленъ проф. Спб. Университета (1866), въ которомъ занималъ каѳедру неорганической химіи до 1890 г., когда другія экономическія и государственныя задачи отвлекаютъ его отъ преподавательской дѣятельности.

Въ періодъ 1868—1870 Д. И. Менделѣевъ открываетъ свой знаменитый *періодическій законъ* и начинаетъ и заканчиваетъ свой безспорно лучшій, вдохновенный трудъ „Основы химіи".

„Основы химіи" относятся къ числу книгъ, которыя называются руководствами или учебниками. Книга Менделѣева, однако, подобно обычнымъ учебникамъ и руководствамъ не представляетъ собою набора общеизвѣстнаго матеріала, расположеннаго по общепринятому шаблону, матеріала часто сухого и безнадежно скучнаго...

„Основы химіи" Менделѣева—это творчество отъ первой до послѣдней страницы. Все въ „Основахъ" вполнѣ оригинально, ново, своеобразно, и я не знаю ни въ русской ни въ иностранной химической литературѣ книги, о которой можно было бы сказать, что она хоть сколько нибудь похожа на книгу Менделѣева. Объясняется это отчасти тѣмъ, что Менделѣевъ писалъ свою химію въ тотъ моментъ, когда имъ былъ открытъ періодическій законъ и этотъ законъ былъ положенъ имъ въ основаніе расположенія и изложенія всего составляющаго его книгу матеріала. Однако, несомнѣнно и то, что тотъ подъемъ духа, который испыталъ авторъ, когда сознанію его открылся періодическій законъ, отразился и на его произведеніи—иначе трудно объяснить это обаяніе книги, эту ширину горизонтовъ, открывающихся передъ читателемъ, легкость, съ которой она читается и въ то же время обиліе и серьзность научнаго матеріала, который она предлагаетъ.

Кромѣ систематическаго примѣненія періодическаго закона, въ „Основахъ" Менделѣева повсюду разсыпаны новыя мысли, оригинальныя обобщенія, намеки, предвидѣнія, сближенія, указаны темы для будущихъ работъ и т. д.

Вполнѣ ясно, что авторъ въ особой степени обладаетъ рѣдкой и драгоцѣнной способностью находить единство въ разнообразіи и видѣть, какъ бы духовными очами, то, чего за недостаткомъ опытнаго матеріала другіе видѣть не могутъ; очевидно также, что авторъ обладаетъ громадной эрудицией и широкимъ философскимъ міровоззрѣніемъ.

„Основы химіи" Менделѣева переведены на англійскій и нѣмецкій языки. На русскомъ языкѣ книга выдержала 7 изданій. Передо мной лежитъ послѣднее—7-е изданіе 1903 года. Цѣлый рядъ поколѣній русскихъ химиковъ (1870—1903) воспитался на „Основахъ химіи" Менделѣева, такъ какъ ни до появленія „Основъ", ни послѣ—нельзя назвать ни одного сочиненія, которое не только могло бы замѣнить, но хоть сколько нибудь приблизиться къ „Основамъ химіи" Менделѣева.

Между первымъ и послѣднимъ изданіями „Основъ Химіи" протекло 33 года. За такой длинный промежутокъ времени наука не могла не уйти впередъ. „Возобновляя изданіе,—пишетъ Менделѣевъ въ своемъ предисловіи къ 7-му изданію,—я старался не только дополнять изложеніе всѣмъ существеннымъ, что стало вновь извѣстнымъ, но и провѣрять въ указанномъ смыслѣ и прежнее изложеніе. Въ этомъ отношеніи предлагаемое 7-е изданіе все вновь пройдено мною и тѣ, кому захочется сличить это изданіе съ предшествующимъ, увидятъ, что добавленія и передѣлки стоили мѣстами не

меньшаго труда, чѣмъ первоначальное составленіе сочиненія“. И далѣе „въ этомъ 7-мъ изданіи я не считалъ необходимымъ измѣнить ни одной существенной черты начальнаго труда, но дополнилъ изложеніе передачею вновь найденныхъ частностей“.

Дѣйствительно, книга Менделѣева даетъ отчетъ о всемъ, что было сдѣлано за этотъ промежутокъ времени, но строй ея, духъ ея остался неизмѣннымъ. Между тѣмъ характеръ всей науки мало по малу измѣнялся. Въ химію ворвалась новая струя. Вмѣсто описательной науки по преимуществу, она становится дисциплиной, отдѣльныя части которой выводятся математически строго, какъ слѣдствія немногихъ широко-философскихъ положеній. Излагать химію такъ, какъ это дѣлалось раньше, становится не современнымъ, рутиной. Нынѣшнее время для химіи есть время переходное, есть время перестройки зданія. Можетъ быть еще многими это и не сознается даже, можетъ быть многое еще не выкристаллизовалось въ окончательной формѣ, и мы, послѣ открытаго Гиббсомъ удивительнаго „правила фазъ“, послѣ открытія *радія*, который представляетъ собою какъ бы живое отрицаніе того, во что мы привыкли вѣрить, послѣ превращенія эманаціи радія въ гелій, не знаемъ даже, что станется со всей нашей атомной теоріей,—несмотря на все это, тѣмъ не менѣе, уже достаточно выяснилось, что новое вино требуетъ новыхъ мѣховъ. Не въ судъ и не въ осужденіе, но приходится признать, что великолѣпное твореніе Д. И. Менделѣева, царь-книга среди русскихъ учебниковъ химіи, состарилось, какъ и самъ авторъ.

Замѣнить книгу Менделѣева, однако, не выпало на долю еще никому, и кто знаетъ, какъ долго придется этого ждать. Въ наше переходное время начинать химическое образованіе все таки приходится съ „Основъ химіи“ Менделѣева.

Въ періодъ 1871—1875 Д. И. Менделѣевъ, получивъ средства по ходатайству Имп. Русск. Технич. Общества изъ министерствъ Морского и Военнаго, производитъ въ широкомъ масштабѣ, съ сотрудниками, изслѣдованія надъ упругостью газовъ. Слѣдами работъ этого періода остались: книга „Объ упругости газовъ“ (1875), книга „О барометрическомъ нивелированіи и примѣненіи для него высотомѣра“ (1876), извѣстный „барометръ Менделѣева“ и еще болѣе извѣстная въ лабораторіяхъ «менделѣевская замазка» (мастика, находящая въ лабораторіяхъ широкое примѣненіе при собираніи приборовъ).

Въ это же время Д. И. заинтересовывается русской нефтяной промышленностью. „Въ 1876 г. по порученію правительства онъ ѣдетъ въ Пенсильванію для осмотра нефтяныхъ американскихъ мѣсторожденій, и затѣмъ—нѣсколько разъ на Кавказъ для изученія экономическихъ условій нефтяного производства и условій добыванія нефти, повлекшихъ за собой широкое развитіе нефтяной промышленности въ Россіи; самъ занимается изслѣдованіемъ нефтяныхъ углеводородовъ, обо всемъ публикуетъ нѣсколько сочиненій и въ нихъ разбираетъ вопросъ о происхожденіи нефти“ (Чельцовъ). Свидѣтелями участія Д. И. въ дѣлѣ устроенія русской нефтяной промышленности остались: книга „Нефтяная промышленность въ сѣверо-американскомъ штатѣ Пенсильваніи и на Кавказѣ“, книга „Бакинское нефтяное дѣло въ 1886 г.“ (1886), нѣсколько журнальныхъ статей и извѣстная гипотеза Менделѣева „о происхожденіи нефти“.

„Около того же времени Д. И. занимается вопросами, относящимися къ воздухоплаванію и сопротивленію жидкостей“.. „во время солнечнаго затменія (1887) поднимается одинъ на аэростатѣ въ Клину, самъ производитъ рискованную поправку клапановъ, дѣлаетъ шаръ послушнымъ и заноситъ въ лѣтописи этого явленія все, что удалось замѣтить“ (Чельцовъ).

Въ 1890 г. Д. И. Менделѣевъ прекращаетъ официально преподавательскую дѣятельность, выйдя изъ состава профессоровъ Спб. Университета и отдается высшимъ вопросамъ техники и промышленности.

Въ качествѣ члена Совѣта Торговли и Мануфактуры онъ вырабатываетъ и издаетъ „Толковый тарифъ“,—сочиненіе, имѣющее цѣлью поддержать и охранить первые шаги молодой русской промышленности; работаетъ совмѣстно со своими учениками-сотрудниками надъ выработкой типа бездымнаго пороха, наконецъ, устраиваетъ и открываетъ Главную Палату Мѣръ и Вѣсовъ. Директоромъ или „ученымъ хранителемъ мѣръ и вѣсовъ“ онъ состоитъ и по настоящее время. Задачи Главной Палаты Мѣръ и Вѣсовъ состоятъ: въ храненіи иностранныхъ и русскихъ основныхъ образцовъ (прототиповъ) единицъ вѣса и мѣры, изготовленіи точныхъ копій съ основныхъ образцовъ, вывѣркѣ представляемыхъ частными лицами и учрежденіями измѣрительныхъ приборовъ и т. д.

Изготовленіе точныхъ копій единицъ мѣры и вѣса и сравненіе ихъ съ иностранными образцами представляетъ чисто научную и при томъ очень тонкую работу, требующую отъ руководителя и исполнителей особыхъ знаній и спеціальной сноровки.

Тому, кто ближе знакомъ съ научными трудами Д. И., легко замѣтить, что точныя физическія измѣренія привлекаютъ его по преимуществу,—что онъ, какъ бы съ особой охотой, производитъ длинный рядъ кропотливыхъ розысканій и вычисленій, лишь бы получить средній выводъ съ возможно меньшей вѣроятной ошибкой. Есть всѣ основанія думать, поэтому, что, будучи призванъ направлять такую работу, которая какъ бы нарочно согласуется съ его наклонностями, Д. И. сдѣлалъ это образцово, и что едва ли когда либо выборъ упалъ такъ удачно, какъ на этотъ разъ.

Священникъ и крестьяне-сверстники Д. И. Менделѣева, около церкви села Аремзянскаго, построенной Маріею Дмитріевною Менделѣевой, портретъ которой помѣщенъ сверху.

Дѣйствительно, списокъ именъ сотрудниковъ, печатные отчеты объ работахъ, наконецъ, то, что можно видѣть своими собственными глазами при посѣщеніи Палаты, показываетъ, что и на самомъ дѣлѣ Палата Мѣръ и Вѣсовъ представляетъ собою по существу роскошно обставленную физическую лабораторію со всѣми новѣйшими приспособленіями для точныхъ измѣреній.

Палата Мѣръ и Вѣсовъ имѣетъ и свой ученый органъ, основанный Д. И. Менделѣевымъ, именно „Временникъ Главной Палаты Мѣръ и Вѣсовъ“. Въ немъ публикуются всѣ произведенныя въ Палатѣ работы. Цѣлый рядъ статей во „Временникѣ“ принадлежитъ самому Д. И. Менделѣеву (о вѣсѣ литра воздуха, вѣсъ опредѣленнаго объема воды, о пріемахъ точныхъ взвѣшиваній и другія).

Находясь и на этомъ посту и дѣлая свое дѣло, Д. И. Менделѣевъ всё таки не оставляетъ и своей обычной разносторонней дѣятельности—онъ состоитъ редакторомъ химико-техническаго и фабрично-заводскаго отдѣла „Энциклопедическаго Словаря“ Брокгауза—Ефрона, издаетъ „Библіотеку промышленныхъ знаній“, наконецъ дѣлаетъ поѣздку на Уралъ и въ Сибирь (1899) для того, „чтобы выяснить необходимость новаго, возможно полнаго собранія свѣдѣній о современной желѣзной промышленности Урала“.

Въ эту свою поѣздку, послѣ 55-лѣтняго отсутствія онъ посѣтилъ и свою родину—Тобольскъ. Отчетъ объ этой поѣздкѣ и свои личныя и фотографическія впечатлѣнія онъ напечаталъ въ книгѣ „Уральская желѣзная промышленность въ 1899 г.“.

Сказанное даетъ нѣкоторое понятіе о кипучей и разнообразной дѣятельности Д. И., но, конечно, далеко не представляетъ её всесторонне. Д. И. не только отзывался на запросы науки и излюбленной имъ промышленности, но и на всѣ вообще теченія общественной мысли—онъ изслѣдуетъ медіумическія явленія, и пишетъ книгу „О спиритизмѣ“, онъ же гонитъ „латынское самообольщеніе,“ „классическое единство“ и „классическія глупости“, онъ же пишетъ „Замѣтки о народномъ просвѣщеніи“ и т. д. и т. д.

Перломъ творчества Д. И. Менделѣева несомнѣнно является его знаменитый „періодическій законъ“ и построенная на немъ „періодическая система элементовъ“. Періодическій законъ сдѣлалъ имя Менделѣева извѣстнымъ всему ученому міру и едва ли есть гдѣ нибудь аудиторія, въ которой на самомъ видномъ мѣстѣ не помѣщалась бы таблица съ изображенной на ней „Періодической системой элементовъ Менделѣева“.

Періодическій законъ касается элементовъ,—тѣхъ таинственныхъ тѣлъ, изъ которыхъ составленъ весь вещественный міръ, доступный нашему сознанію. Элементы не превращаются одинъ въ другой, и не могутъ быть разложены на болѣе простыя тѣла. Они представляютъ собою какъ бы первичныя матеріи, каждая особаго рода, изъ которыхъ сотканы всѣ тѣла, какія мы знаемъ.

Конечно, природа элементовъ должна привлекать особенно наше вниманіе и возбуждать цѣлый рядъ вопросовъ. Дѣйствительно ли элементы суть разнородныя матеріи, а не уплотненія единой первичной матеріи? Представляетъ ли каждый элементъ что нибудь совершенно самостоятельное, не похожее на другіе, или существуетъ въ чемъ нибудь подобіе между отдѣльными элементами? Какъ велико это подобіе? и т. д. Эти и подобные вопросы занимали мыслителей издавна и отвѣтъ на нихъ, даже и не полный, представилъ бы громадный и живой интересъ, такъ какъ онъ касается самихъ устоевъ химіи.

Открытіе Д. И. Менделѣевымъ періодическаго закона и дало въ извѣстной мѣрѣ такой отвѣтъ. Онъ показалъ, что вся совокупность элементовъ составляетъ собою *семейство*, и показалъ, *въ какомъ отношеніи родства находятся отдѣльные члены этого семейства*. Мало того, онъ показалъ, какъ воспроизвести *родословное дерево* элементовъ и, увидѣвъ на этомъ деревѣ *пустыя мѣста*, предсказалъ существованіе не открытыхъ еще элементовъ. Такъ, онъ *предсказалъ существованіе* и *свойства* трехъ неизвѣстныхъ еще тогда элементовъ, которые онъ назвалъ: экаалюминій, экаборъ, экасилицій. Вскорѣ эти элементы были открыты и названы въ честь отечествъ открывшихъ ихъ изслѣдователей: галліемъ, скандіемъ и германіемъ. Свойства этихъ новооткрытыхъ элементовъ оказались такими, какъ ихъ предсказалъ Менделѣевъ,—какъ будто онъ ихъ имѣлъ въ рукахъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была открыта цѣлая группа элементовъ, обладающихъ оригинальнымъ свойствомъ—не вступать въ соединеніе ни съ какими другими элементами. Эти элементы—гелій, неонъ, аргонъ, криптонъ и ксенонъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи родословнаго дерева семейства элементовъ оказалось, что и этимъ элементамъ нашлось *мѣсто* и ихъ оригинальныя свойства *вполнѣ согласуются* съ тѣмъ положеніемъ, которое они занимаютъ въ семьѣ элементовъ.

Въ самое послѣднее время творческая мысль Менделѣева обратилась къ „міровому эфиру“, тому таинственному веществу, наполняющему весь міръ и проникающему всѣ тѣла, существованіе котораго физиками признавалось необходимымъ, а вещественная природа котораго отвергалась—по крайней мѣрѣ ему не приписывали характернаго признака вещества—вѣса. Разсмотрѣвъ свое родословное дерево элементовъ, Д. И. нашелъ *мѣсто* и эфиру. Онъ предполагаетъ, что эфиръ есть *элементъ* и обладаетъ тѣми же

свойствами, что и всѣ другіе элементы, а, слѣдовательно, массой и вѣсомъ; только плотность его ничтожна, а способностью соединяться съ другими элементами онъ не обладаетъ точно также, какъ этой способностью не обладаютъ гелій, аргонъ и другіе, относящіеся къ этой группѣ, элементы (Попытка химическаго пониманія эфира. 1903).

Въ своихъ предсказаніяхъ Д. И. Менделѣевъ обладаетъ рѣдкой удачей. Пожелаемъ, чтобы счастье и на этотъ разъ не измѣнило нашему знаменитому ученому.

Заслуги Д. И. Менделѣева по открытію періодическаго закона признаны какъ въ Россіи, такъ и заграницей. Англійское Королевское Общество въ засѣданіи 18 ноября 1885 г. присудило ему, совмѣстно съ Лотаромъ Мейеромъ, который имѣетъ свою долю въ открытіи періодическаго закона, медаль Дэви.

Д. И. Менделѣевъ, какъ это часто бываетъ, обладаетъ мощью не только духовной, но и физической организаціи. Свои почтенные годы онъ несетъ съ бодростью и не прерываетъ своей творческой дѣятельности. Въ день его семидесятилѣтней годовщины пожелаемъ ему еще долгихъ лѣтъ и плодотворной работы на пользу человѣчества и на славу своей родины.

Проф. Михайленко.

Томскъ, 22 января 1904 г.

Вступительныя лекціи Д. И. Менделѣева.

(Изъ воспоминаній его слушателя).

Въ половинѣ 80-хъ годовъ мнѣ пришлось слушать въ Петербургскомъ университетѣ лекціи по неорганической химіи Димитрія Ивановича Менделѣева. Въ то время онъ былъ, безспорно, самой выдающейся научной силой среди петербургскихъ профессоровъ естествениковъ, ряды которыхъ составляли такіе выдающіеся ученые, какъ Бутлеровъ, Фаминцынъ и другіе.

Менделѣевъ читалъ тогда лекціи въ одной изъ самыхъ обширныхъ аудиторій во 1-хъ потому, что его слушали студенты первыхъ курсовъ естественно-историческаго и математическаго отдѣленій физико-математическаго факультета и въ 2-хъ потому, что лекціи его были такъ интересны и содержательны, что слушателей находилось всегда много. Первой лекціей Менделѣева въ учебномъ году интересовались не только его слушатели — ученики, но почти все студенчество, аудиторія во время этой лекціи всегда была переполнена и попасть въ нее для запоздавшихъ было почти невозможно. Студенты плотно жались на скамейкахъ, стояли плотной стѣной за ними, тѣснились къ кафедрѣ и толпились у входныхъ дверей. Интересъ вызывало отчасти желаніе первокурсниковъ разныхъ факультетовъ посмотрѣть и послушать міровую знаменитость, но главнымъ образомъ тема первой лекціи.

На первой лекціи того періода Менделѣевъ говорилъ о классическомъ и реальномъ образованіи, что и было вполнѣ естественно для профессора, выступающаго въ первый разъ передъ слушателями, прошедшими классическую школу и явившимися въ университетъ въ поискахъ реальныхъ знаній, о которыхъ они могли получить нѣкоторыя свѣдѣнія не въ стѣнахъ гимназіи, а лишь за предѣлами ея. Тогда въ гимназіяхъ преподавались изъ естественныхъ наукъ лишь физика, но изученіе ея, какъ второстепеннаго предмета, поставлено было обыкновенно чрезвычайно слабо, такъ какъ педагоги-классики, руководители учебнаго дѣла, считали самыми важнѣйшими и единственно достойными прилежнаго изученія лишь латинскій и греческій языки.

Интересно и поучительно было послушать знаменитаго профессора, который, высказывая свои взгляды, не считался съ тѣмъ, будутъ ли они пріятны или непріятны кому бы то ни было. Не въ его манерѣ было деликатничать или золотить пилюлю, онъ былъ прямолинеенъ и рѣзокъ.

Молодая аудиторія гудѣла, ожидая, когда откроется небольшая дверь, ведущая на кафедру и изъ сосѣдней комнаты и появится Менделѣевъ. Ожидать приходилось недолго—онъ бывалъ аккуратенъ. Дружный громъ апплодисментовъ привѣтствовалъ его появленіе. Новички, видѣвшіе въ первый разъ знаменитаго химика, пожирали взорами его плотную, мощную фигуру съ большой головой, покрытой длинными прядями волосъ. Онъ улыбался на привѣтствія и подходилъ къ барьеру кафедры. Хотя много разъ мнѣ приходилось видѣть Менделѣева въ университетѣ какъ на лекціяхъ, такъ и на диспутахъ и даже торжественныхъ собраніяхъ въ актовомъ залѣ, но ни разу я не видѣлъ его въ профессорской формѣ—вицмундирѣ. Всегда онъ бывалъ въ черномъ сюртукѣ, нерѣдко сильно поношенномъ, выпачканномъ на рукавахъ мѣловой пылью или запятнанномъ химическими веществами. Менделѣевъ, видимо, не обращалъ вниманія на свой костюмъ.

Апплодисменты затихали и въ аудиторіи водворялась полная тишина, всѣ напряженно ждали. Достаточно было разъ взглянуть на Менделѣева, чтобы затѣмъ уже навѣки запечатлѣть въ памяти обликъ его. Чувствовалось, что передъ вами оригинальный, самобытный человѣкъ съ рѣзко очерченной индивидуальностью. Его лекторская манера была также оригинальна: во время лекціи онъ почти не смотрѣлъ на слушателей. Онъ обыкновенно говорилъ стоя, опершись могучими руками о барьеръ и устремивъ взоры свои вверхъ къ потолку. Иногда же только онъ садился въ кресло и говорилъ, опять также не глядя на аудиторію. Менделѣевъ, стоящій у барьера съ устремленными къ верху взорами, былъ бы прекрасной „натурой“ для художника, рѣшившаго изобразить вдохновеннаго пророка библейскихъ временъ, чувствовался его авторитетъ, научная мощь, охватывающая широкій горизонтъ человѣческаго знанія, способная видѣть то, что простымъ смертнымъ недоступно. Менделѣевъ, кажется, никогда не готовился къ лекціямъ, никогда въ рукахъ его не было никакого конспекта, онъ импровизировалъ, творилъ. Но его рѣчь оригинальнаго, чисто „менделѣевскаго“ склада, не была гладкой, ровной, округленной. У него нѣтъ того свойства, который называется „даромъ слова“. Нерѣдко онъ останавливался, придумывалъ подходящее выраженіе, не доканчивалъ начатой фразы и вмѣсто нея произносилъ другую. Съ точки зрѣнія внѣшней его лекціи не могли выдержать никакого сравненія не только съ блестящими лекціями другого знаменитаго химика Бутлерова, но даже съ лекціями большинства другихъ менѣе знаменитыхъ профессоровъ, читавшихъ лекціи въ тѣ времена въ Петербургскомъ университетѣ. Но за то внутреннее содержаніе лекціи плѣняло своей глубиной, мощью и логикой. Менделѣевъ училъ „какъ власть имѣющій“ и это чувствовала вся аудиторія.

Сибирцевъ.

Общій видъ Тобольска съ Пятницкой церкви.

Видъ Тобольска съ Панина бугра.

Черепъ.

(Разсказъ).

— Здравствуйте! Вотъ, я вамъ подарокъ принесъ!—сказалъ студентъ и, безъ особыхъ предисловій началъ развязывать узелокъ, который только-что передъ этимъ бережно положилъ на письменный столъ Андрея Михайловича.

Андрей Михайловичъ Околицынъ, театральный рецензентъ и „русскій“ хроникеръ мѣстной газеты—смотрѣлъ во всѣ глаза на своего гостя и никакъ не могъ понять, въ чемъ дѣло.

Въ узелкѣ, между тѣмъ, оказалось что-то желтовато-бѣлое, круглое, напоминавшее своей формою некрупный арбузъ. Андрей Михайловичъ прищурился, вглядѣлся и протянулъ не то съ любопытствомъ, не то съ разочарованіемъ:

— А-а!

Студентъ подхватилъ круглую штуку на ладонь и, поднеся ее къ самому носу рецензента, торжествующе спросилъ:

— Хорошъ?

— Хорошъ!—согласился Андрей Михайловичъ.—Я было совсѣмъ позабылъ, что просилъ васъ объ этомъ.

— Да неужели? А еще какъ убѣдительно просили! Черепъ очень хорошъ... Я, пожалуй, и у себя его оставлю, если вамъ не надо.

— Нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ же?—заспѣшилъ Околицынъ —Я возьму его, обязательно возьму.

— Для письменнаго стола—бездѣлушка превосходная! сказалъ студентъ и поощрительно погладилъ черепъ по гладкому, глянцевитому затылку.—Онъ, знаете-ли, особенный: съ ясно выраженной ассимметріей. Видите, лобъ какъ изогнутъ? И кромѣ того, отверстіе у лѣваго уха—тоже аномальное.

— Да! да! Это интересно, что онъ аномальный... крышка снимается?

— Какъ-же! Обязательно снимается. Съ зубами поосторожнѣе обходитесь: выпадываютъ.

— Можно ихъ клеемъ укрѣпить. Есть такой клей—что угодно сдержитъ.

— Пожалуй, можно и приклеить. Только не перепутайте порядокъ зубовъ, а то весь эффектъ пропадетъ.

Студентъ поставилъ черепъ обратно на столъ и взялся за фуражку.

— Вы уже бѣжите? А чай пить?—по обязанности радушнаго хозяина выразилъ удивленіе Околицынъ.

— Спасибо... Въ клинику надо. Я и безъ того на этихъ дняхъ совсѣмъ запустилъ занятія.

Студентъ ушелъ, а черепъ остался—гладенькій, чистенькій, превосходно отпрепарированный человѣческій черепъ.

Андрей Михайловичъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза и смутно сознавалъ, что совершилъ въ нѣкоторомъ родѣ глупость. И что всего обиднѣе—основаніе этой глупости было заложено въ нетрезвомъ видѣ.

Студента, своего стараго знакомаго, онъ встрѣтилъ на прошлой недѣлѣ въ пивной, а потомъ ни съ того, ни съ сего—по пьяному дѣлу—пошелъ къ нему на квартиру. Студентъ принесъ съ собой, въ карманахъ пальто, еще четыре бутылки. Говорили все больше о высокихъ матеріяхъ, но отъ общественныхъ вопросовъ какъ-то незамѣтно перешли къ недоброкачественности пива, а затѣмъ къ медицинѣ.

У студента цѣлый столъ былъ заваленъ костями. Были кости большія и маленькія, цѣльныя и изломанныя, новенькія и старыя, пожелтѣвшія, точно источенныя червями.

— Зачѣмъ это у васъ?—съ нѣкоторой брезгливостью справился Андрей Михайловичъ

— Учусь... Надо каждую косточку знать—и гдѣ она находится, и какъ называется

— И трудно?

— Не особенно... Черепъ, вотъ, трудновато.

Студентъ извлекъ изъ груды костей старый, потертый, видимо много бывшій въ употребленіи черепъ и началъ объяснять Андрею Михайловичу что то сложное и запутанное о разныхъ пѣтушьихъ гребняхъ и копьевидныхъ отросткахъ, о fossa cranii anterior и posterior и о прочемъ. Андрей Михайловичъ ничего изъ всей этой учености не понялъ, а заинтересовался, главнымъ образомъ, неизмѣнно и ядовито улыбающимся „лицомъ" черепа. Студентъ увѣрялъ его, что это—обманъ зрѣнія и, во всякомъ случаѣ, деталь не стоющая ни какого вниманія, но Околицынъ остался при особомъ мнѣніи и спросилъ:

— А дорого они цѣнятся .. черепа эти?

— Нѣтъ, дешево... Я свой за цѣлковый купилъ у сторожа при анатомическомъ.

— Такъ знаете что? Купите мнѣ, пожалуйста, такой-же черепъ—только поновѣе, если возможно.

— Учиться хотите?

— Нѣтъ, я для курьеза. Поставлю къ себѣ на письменный столъ. Пусть улыбается.

— Вонъ что... Ну ладно, куплю.

Почти тотчасъ же послѣ этого разговора Андрей Михайловичъ отправился домой и по дорогѣ, не совсѣмъ твердо ступая большими кожаными галошами, мечталъ о томъ эффектѣ, какой произведетъ на знакомыхъ его будущее пріобрѣтеніе. Но на другой же день онъ и о разговорѣ со студентомъ и о черепѣ совершенно забылъ—и припомнилъ все это только теперь, когда черепъ стоялъ на столѣ, смотрѣлъ въ пространство своими громадными, слѣпыми глазами и скалилъ зубы.

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ эффектная вещь!—подумалъ Околицынъ.—И лобъ—кривой. Должно быть, преступникъ!—вспомнилъ онъ когда-то читанную ломброзовскую теорію.—У нихъ въ анатомическомъ театрѣ, кажется, много труповъ получается изъ тюремъ.

Андрей Михайловичъ захотѣлъ представить себѣ, какъ выглядѣлъ обладатель этого черепа, когда былъ еще живъ, и вдругъ ему стало какъ-то неловко. Какъ будто стыдно было, что онъ изъ человѣческой головы сдѣлалъ игрушку.

— Глупости! Вѣдь это теперь кость—и больше ничего. Такой же неодушевленный предметъ, какъ столъ и чернильница.

Онъ очистилъ для „неодушевленнаго предмета" мѣстечко посрединѣ стола и бережно переставилъ его туда. Черепъ очень удобно помѣстился между стаканчикомъ для карандашей и терракотовымъ бюстикомъ Байрона. Геніальный поэтъ съ пренебрежительной усмѣшкой смотрѣлъ на своего новаго сосѣда и они оба вмѣстѣ составляли довольно интересную парочку.

Околицынъ посмотрѣлъ на круглый циферблатъ будильника, съ аляповато нарисованными цвѣтами и бабочками, и поспѣшно взялъ въ руки газетный листъ изъ цѣлой кучи, заготовленной для хроники. Было уже около одиннадцати—а къ двѣнадцати нужно доставить „русскую жизнь" въ редакцію

Привычными руками развертывалъ Андрей Михайловичъ сѣрые газетные листы и пробѣгалъ глазами по длиннымъ столбцамъ.

„Въ совѣщательномъ комитетѣ о нуждахъ... землевладѣлецъ Бороииловъ внесъ предложеніе. ." „Фирма Колупаева на дняхъ прекратила платежи..." „Въ центрѣ города, въ шестомъ часу вечера совершено звѣрское.."

Околицынъ звякнулъ ножницами и перевелъ глаза съ газетнаго листа на черепъ. Онъ стоялъ попрежнему смирно и нелѣпо таращилъ глаза прямо на Андрея Михайловича.

— А непріятная штука, въ общемъ ...Мѣстные мясоторговцы вошли въ соглашеніе"... Нѣчто вродѣ синдиката, стало быть.. .— вслѣдствіе чего говядина поднялась въ цѣнѣ до четырнадцати копѣекъ за фунтъ..." Можно будетъ взять.

Андрей Михайловичъ вырѣзалъ коротенькій кусочекъ изъ листа и отложилъ его въ сторону.

Черепъ улыбался.

— Воображаю, въ какое негодующее настроеніе придетъ Марья Васильевна... Да... Ужасно чувствительная дама .. Но что за дурацкое выраженіе, чортъ его возьми совсѣмъ! .. „Въ нашемъ уѣздѣ произведены весьма удачные опыты травосѣянія мѣстнымъ знатокомъ..." Говоря откровенно, онъ ужасно нелѣпо торчитъ здѣсь. Да и вся эта исторія—сплошная нелѣпость. Ну, зачѣмъ мнѣ понадобилась эта омерзительная штука, скажите пожалуйста? Пахнетъ карболкой. . Пожалуй, заразишься еще какой нибудь гадостью.

Вырѣзки набирались сегодня значительно медленнѣе обыкновеннаго. Андрей Михайловичъ всѣми силами своей души" стремился сосредоточиться на сельско-хозяйственномъ комитетѣ или на говяжьемъ синдикатѣ, но къ членамъ изъ землевладѣльцевъ и къ четырнадцати копѣйкамъ за фунтъ неизбѣжно приплетался злополучный черепъ.

— Отдамъ назадъ, скажу, что раздумалъ!—рѣшилъ Околицынъ.—Мѣшаетъ .. Совсѣмъ нельзя сосредоточиться.

Онъ переставилъ черепъ на маленькій столикъ, позади, но это вышло еще хуже. По спинѣ забѣгали мурашки,—точно кто-то стоялъ сзади и упорно смотрѣлъ Андрею Михайловичу въ затылокъ.

Андрей Михайловичъ приклеилъ на длинный лоскутъ бумаги еще одну вырѣзку и внизу бойко приписалъ:

— „Фактъ говоритъ самъ за себя. Sapienti sat".

Потомъ передернулъ плечами и оглянулся.

Черепъ глядѣлъ безъ глазъ,—одними пустыми черными орбитами.

— Прроклятая голова... „Въ выѣздной сессіи Растеряевскаго окружнаго суда разсматривалось интересное дѣло о крестьянинѣ изъ ссыльныхъ.." Навѣрное и у него такой-же кривой черепъ... Да... А все таки, лучше ужъ переставлю его опять на письменный столъ... Вѣдь это все ребячество, наконецъ.

Замѣтка о крестьянинѣ изъ ссыльныхъ послѣдовала за предыдущей. Потомъ появилась длинная перепечатка изъ толстаго журнала, обошедшая уже передъ этимъ съ полдюжины газетъ.

Къ двѣнадцати часамъ работа была кончена. Андрей Михайловичъ, прищуривъ одинъ глазъ, посмотрѣлъ на покоробившійся длинный лоскутокъ и покачалъ головой.

— Пестро... очень пестро.. Опять, значитъ, пойдетъ ругань по поводу отсутствія руководящей идеи... Чертъ знаетъ, что... Оказывается, даже для вырѣзокъ необходимо особое вдохновеніе.

Околицынъ спряталъ русскую хронику въ карманъ, натянулъ „литераторское" пальто съ изрядно потертымъ верхомъ и, уходя, внимательно посмотрѣлъ на черепъ.

Черепъ съѣхалъ съ неприкрѣпленной нижней челюсти и уныло склонился на бокъ. Одинъ глазъ продолжалъ глядѣть на Байрона, а другой уставился на Андрея Михайловича.

Хроникеръ плюнулъ и сердито хлопнулъ дверью.

На улицѣ зима боролась съ осенью и стояла, потому, сквернѣйшая погода. Снѣгъ падалъ попеременно съ дождемъ и таялъ за шиворотомъ Андрея Михайловича.

Околицынъ уныло брелъ по тротуарамъ, тяжело постукивая большими кожаными калошами и раздумывалъ о превратности судебъ и непрочности человѣческаго здоровья.

Встрѣтились похороны. Мокрыя лошади, мокрый катафалкъ, мокрые люди, мокрый гробъ подъ мокрымъ покровомъ... Султаны изъ перьевъ на крышѣ катафалки распустились и обвисли. Несмотря на большое число провожавшихъ, процессія совсѣмъ не имѣла торжественнаго вида, тѣмъ болѣе что всѣ шли по тротуарамъ и середина улицы оставалась пустою.

Среди „отдававшихъ послѣдній долгъ" Андрей Михайловичъ встрѣтилъ знакомаго купца—изъ среднихъ.

— Кого же?—поинтересовался хроникеръ.

— Муковозова, Марка Пудыча...

— Ну? Да я его недавно видѣлъ. . Здоровъ былъ.

— Крупа какая-то завелась въ легкихъ, говорятъ. Недѣльку помучился да и померъ. Вы развѣ некрологу то не читали? Въ вашемъ же листкѣ на первой страницѣ пропечатано было.

— Не люблю я, голубчикъ, свою газету читать. И чужія хуже горькой рѣдьки надоѣдаютъ... Такъ умеръ, значитъ?

— Коли на кладбище везутъ, такъ значитъ умеръ А хорошій былъ гласный, покойникъ.. Все за нашего брата стоялъ.

— Да, да!—торопливо согласился Андрей Михайловичъ и опять застучалъ калошами

До редакціи было далеко: въ хорошую погоду тридцать пять минутъ ходьбы, а въ плохую, когда Околицынъ особенно торопился—ровно полчаса.

Хроникеръ быстро работалъ ногами и разсѣянно смотрѣлъ на давно надоѣвшіе мокрые дома, на полинялыя вывѣски, на сердитыхъ и замерзшихъ прохожихъ.

— Умеръ.. Интересно, какой у него черепъ —у этого купца. Толстый, должно быть. Вотъ его бы имѣть, а то арестанта какого-нибудь... Глупо!

Потомъ Андрей Михайловичъ подумалъ о своемъ собственномъ черепѣ и у него сразу заболѣли виски. Въ головѣ, въ живой головѣ—и вдругъ спрятана такая нелѣпо улыбающаяся костяная коробка. И когда Андрей Михайловичъ умретъ, его какъ человѣка совершенно одинокаго, свезутъ, можетъ быть, въ анатомическій театръ Сторожъ при мертвецкой сдѣлаетъ изъ его головы препаратъ, который продастъ за цѣлковый какому-нибудь студенту, а студентъ будетъ изучать fossa cranii и пѣтушьи гребешки. Можетъ быть, аномальная дырка найдется.

Николай Степнякъ.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Общій видъ Тобольска съ Пятницкой церкви.

Въ правой половинѣ картины видна Больше-Пятницкая улица съ Благовѣщенской церковью въ ея дальнемъ концѣ Влѣво отъ Благовѣщенской церкви Захарьевская церковь (вблизи отъ берега Иртыша). еще лѣвѣе часовня въ городскомъ саду. Правѣе Благовѣщенской церкви подъ самой горой церковь св. Богородицы, а еще правѣе церковь Рождества Христова: за нею видна гимназія. На заднемъ возвышается гора, на которой находится кремль съ Софійскимъ соборомъ; влѣво отъ собора присутственныя мѣста, вправо архіерейскій домъ Въ горѣ виденъ такъ называемый шведскій взвозъ, ѣзда по которому временно закрыта.

Видъ Тобольска съ Панина бугра.

У правой рамки кремль на горѣ съ Софійскимъ соборомъ, архіерейскимъ домомъ и присутственными мѣстами (на краю обрыва). Въ серединѣ картины выдающееся зданіе—классическая гимназія; это новый корпусъ въ три этажа; на картинѣ виденъ только бокъ его; ближе къ зрителю длинное зданіе—старый корпусъ гимназіи, въ которомъ теперь помѣщается пансіонъ гимназіи.

Правѣе новаго корпуса замѣтны лѣса вновь строющагося католическаго костела, постройка котораго въ настоящее время почти уже окончена.

За новымъ корпусомъ гимназіи видна церковь св. Богородицы, а изъ за нея рѣка Иртышъ. На берегу рѣки подъ мысомъ горъ видно зданіе городскихъ муниципальныхъ бань, которыя составляютъ гордость Тобольска. Это первыя муниципальныя бани въ Сибири, также по времени въ Сибири считается и тобольскій водопроводъ, отсутствующій на нашихъ снимкахъ.

Редакторъ-Издатель **П. Макушинъ.**

Дозволено цензурою. Томскъ, 22-го января 1904 года.

Паровая типо-литографія П. И. Макушина.